

УДК 316.42

DOI: 10.34670/AR.2021.51.97.001

Вещи, собственность, мобильность: до и после современности

Шипилов Андрей Васильевич

Доктор культурологии,
доцент,

профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин,
Воронежский государственный педагогический университет,
394043, Российская Федерация, Воронеж, ул. Ленина, 86;
e-mail: andshipilo@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен феномен обратного соотношения значимости собственности на личное имущество и степени подвижности населения в досовременном и постсовременном социуме. Одним из трендов текущего момента является эволюция от индивидуального владения вещами (имущественными благами) к совместному пользованию ими, что объясняется в первую очередь повышением уровня мобильности. Для осмысления этого используется метафора номадизма, между тем реальные номадические общества действительно отличались подвижностью, но наиболее мобильными были общества фуражеров – неспециализированных охотников и собирателей. Перманентная подвижность стимулировала их обходиться минимумом личного имущества, при этом практики дележа по требованию, допустимого попрошайничества и нормативного дарообмена ограничивали владение вещами, тогда как коллективная собственность на землю отсутствовала. Таким образом, между преаграрным и постиндустриальным обществами налицо аналогия, которую можно объяснить тем, что в обоих основным содержанием экономической деятельности является присвоение того, что произведено природой (в первом случае) и роботами (во втором случае). Это и обуславливает примечательную изоморфность и эквивалентность мышления и поведения, социальных практик и аксиологических систем фуражеров далекого прошлого и консьюмеров настоящего и возможного будущего.

Для цитирования в научных исследованиях

Шипилов А.В. Вещи, собственность, мобильность: до и после современности // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 6А. С. 276-287. DOI: 10.34670/AR.2021.51.97.001

Ключевые слова

Вещи, собственность, мобильность, премодерн, постмодерн, охотники, собиратели.

Введение

Некоторое время назад в отечественных СМИ и блогосфере прокатилась очередная волна обсуждения эссе Иды Аукен, депутата датского парламента от Социально-либеральной партии, в 2011-2014 гг. занимавшей пост министра экологии Дании, которое было опубликовано в ноябре 2016 г. в преддверии очередного Всемирного экономического форума. *Она пригласила читателя в город 2030 г., несколько напоминающий в ее описании классические утопии типа кампанелловского Civitas Solis.* Новый солярий ведет жизнь, которая не просто хороша, а еще никогда не была лучше, залогом чему служит отказ от личной собственности ради совместного пользования. «I don't own anything. I don't own a car. I don't own a house. I don't own any appliances or any clothes». Так, по мнению Аукен, живет горожанин близкого светлого будущего. Ему практически ничего не принадлежит, и он почти ничем не владеет, так как это не нужно: все товары стали услугами, причем доступ к транспорту, жилью, еде и прочему необходимому для жизни бесплатен и владеть всем этим больше нет смысла. Например, отсутствует необходимость иметь в доме бытовую технику, так как последняя доставляется по требованию почти мгновенно, а первый используется другими людьми во время отсутствия хозяина, превратившегося в пользователя. Горожанин-2030 мало работает (при этом рабочее время в его случае есть время мышления, творчества и развития), хорошо ест, спит и проводит время с другими людьми среди зеленых насаждений, так что беспокоит его разве что недостаток приватности да мысли о тех, кто остался выживать за пределами города [Auken, www].

«I own nothing»

Данная картина выглядит утопичной, а во многом и антиутопичной, но нельзя не признать, что сегодня эволюция от владения к пользованию вещами/благами имеет место быть и по ряду позиций уже выглядит устойчивым трендом. Так, относительно личного автотранспорта Дж. Урри еще более десяти лет назад фиксировал «значительные подвижки в деприватизации автомобилей через совместное использование» и констатировал, что «растет популярность оплаты “доступа” к путешествию/мобильным услугам, а не стремление владеть транспортным средством самостоятельно» [Урри, 2012, 489-490]. Сегодня каршеринг (а также карпулинг/райдшеринг) уже стал повседневной обыденностью, при этом его перспективы таковы, что К. Шваб в 2016 г., опираясь на проведенное годом ранее исследование Международного экспертного совета руководимого им ВЭФ, писал, что $\frac{2}{3}$ респондентов прогнозировали превышение числа поездок на автомобилях совместного пользования над поездками на частных автомобилях уже к 2025 г., и отмечал относительно других продуктов/товаров, что «возрастающее число потребителей предпочитает больше не приобретать физические объекты в собственность, а платить за предоставление соответствующей услуги» [Шваб, 2016, www]. *Sharing economy* завоевывает позиции и в России, преобразуя практики и ценности в первую очередь молодого поколения. Хотя уберизация у нас делает только первые шаги, сохранение тенденции развития экономики совместного пользования «в перспективе может привести к пересмотру потребности иметь предметы в собственности. Ведь конечную ценность для потребителя в большинстве случаев несет именно пользование, а не владение» [Основные направления..., www]. По словам Е.М. Шульман, у нового поколения, которому предстоит жить в постдефицитной и, возможно, посттрудовой экономике, владение уступит место пользованию: «у них не будет собственности, жилье будет съемным», но при этом уровень жизни станет выше и «наши потомки будут смотреть на нас с

нежной жалостью за то, что мы стремились приобрести куски собственности и таскали их за собой» [Шульман, www]. Возможно, что и это представление о будущем окажется далеким от реальности, но похоже, что с институтом собственности действительно происходит некая трансформация, так что теоретики начинают развивать идеи «собственности каждого на все», имея в виду не только блага «креатосферы», производство которых однократно, а потребление неограниченно, но и в определенной мере обычные воспроизводимые материальные блага и услуги [Бузгалин, 2017, 49-50; Рязанов, 2018, 139-140].

Дело в том, что из последних все большая часть (а в них самих – компонента) приобретает информационный характер, а информационные продукты/товары требуют минимум рабочей силы и времени для своего производства и минимум минимум затрат на тиражирование, хранение и транспортировку [Шваб, 2016, www]. Вещей (товаров/услуг) производится все больше, а стоят они все меньше: в мировых столицах сегодня можно приобрести свыше 10 миллиардов продуктов/сервисов, при этом проезд на одинаковое расстояние стоит в пересчете на единицу рабочего времени в тридцать раз дешевле, чем полтора века назад, киловатт-час электроэнергии – в двенадцать раз меньше, чем век назад, чизбургер – в десять раз меньше, чем полвека назад и т. д. [Ридли, 2015, 31, 44]. В экономике хронического профицита потребление приходится поддерживать планируемым искусственным устареванием товаров личного пользования не только в плане необходимости их частой замены как индикаторов статуса, но и как нормативного технологического приема [Курилова, 2011, 121]. На упаковке товара изначально указывается срок службы (например, для смартфона – три года), по истечении которого гаджет выходит из строя и не подлежит ремонту, при этом неремонтопригодность является следствием как конструкции (неразборность устройства и др.), так и того факта, что стоимость ремонта выше расхода на приобретение аналогичного товара (новая вещь обойдется дешевле, чем оплата услуг специалиста и сопутствующих расходов). В этих условиях традиционные (по крайней мере, для аграрного и индустриального обществ) практики хранения, накопления и наследования вещей становятся абсурдными, а в части последнего и вовсе дискриминируются ставками налогов на наследство, которые в зависимости от степени родства, стоимости наследуемого имущества и иных факторов могут достигать 40, 50, 60 и в отдельных случаях даже 70 и более процентов [Перковский, www]. Такого рода операции с собственностью в ситуации, когда информационные технологии минимизируют роль труда в процессе производства и поступательно снижают рыночную цену товаров, для нового поколения «потребителей, психологически предрасположенных к бесплатным вещам» [Мейсон, 2016, 173], выглядят достаточно иррационально. Как пишет П. Мейсон, «главное противоречие сегодня – это противоречие между возможностью беспрепятственного получения бесплатных товаров и информации и системой монополий, банков и правительств, которые пытаются добиться того, чтобы вещи оставались в частном владении, чтобы их было мало и чтобы они продавались» [Там же, 14]. Не углубляясь в дальнейшие рассуждения о перспективах посткапитализма и всеобщей собственности, заметим, что изменение отношения к владению вещами объясняется не только новым характером их производства и потребления, но и значимыми изменениями в образе жизни людей настоящего и ближайшего будущего.

«Люди, можно сказать, живут в состоянии мобильности»

Стоит обратить внимание на характерное для растущего числа стран и страт повышение степени подвижности, описанное вышеприведенной фразой Дж. Урри [Урри, 2013, 4]. Речь идет не только о «кочевом стиле работы» в плане перманентного пространственного перемещения

«нового мобилитета», для которого *приобретать и таскать за собой куски собственности* становится неудобным и бессмысленным, но и о превращающейся из способности в потребность постоянной смене образования, профессии, должности и т. п. («завтра могут быть другой город, другая работа, другой брак, другая машина» [Сидорина, 2018, 40]). Базовой в этом плане является территориальная мобильность, становящаяся способом жизни, так что «идея дома и места постоянного проживания выходит из употребления» [Бард, Зодерквист, 2004, 227]. Мобильность – это и ценность (быть мобильным – это быть современным и успешным), и капитал (*motility capital*). Доступ к средствам транспортной и иной мобильности становится основанием для новой социальной стратификации: «чем выше ваш статус, тем выше степень мобильности» [Бард, Зодерквист, 2004, 227], и наоборот – отсутствие «права на движение» есть маркер низкой социальной позиции, отчужденности и дискриминированности [Никишин, 2019, 104]. Мобильность становится источником и фундаментом власти: З. Бауман пишет об этом в контексте своей теории *liquid modernity*¹, М. Кастельс – в контексте своей теории *network society*².

Увеличение значения мобильности как явления приводит к тотализации ее как понятия: в рамках социологического *mobility turn* подвижность/текучесть становится той призмой, через которую воспринимаются и концептуализируются социально-экономические, социально-политические и другие реалии («парадигма мобильностей» по М. Шеллер [Шеллер, 2016, 4]). Мобильность здесь понимается как примордиальное свойство социальности, которое уже превращается в сущность, способную заменить категорию «общество». «Нет стасиса, есть только процессы создания и трансформации, – пишет Дж. Урри. – Нет ничего до движения; движение выражает сущность вещей» [Урри, 2012, 113].

Закономерно, что при рассмотрении социума через оптику непрерывного всеобщего движения для описания/осмысления наблюдаемой специфики часто задействуется метафора номадизма. Так, А. Бард и Я. Зодерквист отмечают, что «новая кочевая жизнь предполагает постоянную миграцию между городами, занятиями, общностями» [Бард, Зодерквист, 2004, 227], а З. Бауман указывает, что «эра безоговорочного превосходства оседлости над кочевым образом жизни и доминирования оседлого населения над подвижным в целом быстро заканчивается. Мы являемся свидетелями реванша кочевого образа жизни над принципом территориальности и оседлости» [Бауман, 2008, 20]. Еще раньше о некоем новом номадизме писали теоретики постструктурализма и постмодернизма. М. Маффесоли в своей концепции реархаизации как главной характеристики постсовременного общества рассматривал «современный номадизм» как феномен, из андерграудного превратившегося в мейнстримный и из нонконформистского в чуть ли не нормативный [Алиева, 1995, 110-111; Шубрт, 2018, 25, 28]. Ж. Делез и Ф. Гваттари рассуждали о детерриториальности кочевников, при этом у них номад есть не тот, кто посредством движения преодолевает дистанцию между точками покоя (его движение и есть форма покоя), а тот, кто в этом движении (и этим движением) пребывает, кто не передвигается через пространство, а движет/раздвигает его собой [Делез, 2010, 642].

¹ «В текучей стадии современности оседлым большинством управляет кочевая и экстерриториальная элита» [Бауман, 2008, 20].

² «Существуют граждане мира, живущие в пространстве потоков, противостоящие живущим в пространстве мест. Поскольку пространство в сетевом обществе формируется на основе противопоставления пространства потоков (глобальное) и пространства мест (локальное), пространственная структура этого общества является главным источником структурирования властных отношений» [Кастельс, 2016, 69].

«Текучесть и непостоянство»

Если взглянуть на исторический номуадизм, то этот возникший в энеолите тип хозяйства и одновременно образ жизни имел своей базой сначала отгонное, затем полукочевое и полностью кочевое скотоводство [Энеолит СССР, 1982, 322-323], предполагавшее как циклическую сезонную подвижность, так и единовременные броски на большие расстояния и, наконец, круглогодичное кочевание. Например, этнографически изученные киргизы находились в пути месяц за месяцем, нигде не останавливаясь дольше чем на две недели, и даже зимой меняли свои стоянки в пределах зимних пастбищ. Перейти к земледельческому оседлому образу жизни кочевника могла заставить только потеря скота, и воспринимал он это как величайшее несчастье. По словам Л. Крживицкого, «кочевник чувствует отвращение к оседлой жизни и презрение к занятию земледелием» [Крживицкий, 1925, 107]. Номуаду нужно движение. Только осуществляя его, он чувствует себя дома. Как пишет Ф. Дескола, «именно “дикое” пространство леса, степи, тундры для кочевника носит характер родного и привычного, а островки оседлой жизни видятся ему неприятными, так как он там нежеланный гость, на которого косо смотрят» [Дескола, 2012, 58].

Согласно концепции С.А. Плетневой, номуадические общества в своем развитии проходят три стадии – от круглогодичного таборного кочевания через полукочевание до полуоседлости. На первой стадии по степи движется вся орда целиком, включая женщин, детей и стариков, не оставляя за собой следов зимних стойбищ и отмечая свой путь лишь редкими впускными погребениями в курганах своих предшественников; по ходу этого движения, происходящего в формате нашествия, в составе группы непрерывно происходят языковые, этнические и даже расовые изменения [Плетнева, 1982, 145], так что подвижность предстает текучестью. Эта своего рода *liquid premodernity* встречается на всем протяжении существования номуадизма как исторического феномена, к которому вообще не слишком приложимо понятие общественного развития [Марков, 1976, 278], так как условием, содержанием и мерой последнего здесь является деномуадизация.

Однако наиболее мобильными на всем протяжении истории человечества являлись не кочевые скотоводы, а фуражеры (*foragers*) – неспециализированные охотники и собиратели. Люди, начиная с хабилисов, были охотниками/собирающими на протяжении 99% своей истории, и из всех представителей рода Номуа, когда-либо живших на Земле, 90% являлись фуражерами [Артемова, 2009, 125]. И. Моррис указывает: «Мы можем даже назвать собирательство естественным образом жизни» [Моррис, 2017, 64]. Если даже не брать архантропов, то большая часть неандертальцев и кроманьонцев, судя по данным палеоантропологии, отличалась чрезвычайно мобильным образом жизни [Бужилова, 2000, 404; Вишняцкий, 2010, 138-139], а с началом мезолита, когда потепление климата привело к вымиранию мамонтовой фауны, стационарные поселения вообще исчезли, уступив место кратковременным стоянкам с временными постройками или вообще без них: люди постоянно передвигались как в пределах промысловых территорий, так и совершая далекие и длительные миграции [Мезолит СССР, 1989, 5, 11, 198-199].

Исторически описанные и антропологически изученные фуражеры Нового времени и современности так же отличались и отличаются чрезвычайной подвижностью, варьирующей в зависимости от ландшафта, климата, объектов охоты и собирательства и т. п., в диапазоне от сезонной до фактически непрерывной. Эскимосские охотники на карибу и алгонкинские охотники на бизона вели классический кочевой образ жизни [Галич, 1990, 67; Файнберг, 1991,

29-30]; добывавшие рыбу, морского зверя и птицу огнеземельские яганы и алакалуфы были «морскими кочевниками», не остававшимися на одном месте более двух недель [Кабо, 1986, 175-176]. Причины столь высокой мобильности по большей части экономические: истощив пищевой ресурс на одном месте, фуражеры двигались дальше. Южноафриканские бушмены проходили таким образом 2000 км в год, а у западноавстралийских пинтупи нуклеарная семья в течение года занималась охотой и собирательством на площади 3000 квадратных миль [Артемова, 2009, 218; Уэйд, 2016, 93]. Пигмеи мбути меняли стойбище с частотой от 3-6 недель до 3-4 дней, хадза – раз в две недели [Кабо, 1986, 128, 143]. Особенно подвижными были племена собирателей, жившие в зоне экваториального климата, для которого характерно отсутствие четко выраженной сезонности. Так, кубу Суматры редко задерживались на одном месте дольше нескольких дней, не имея соответственно постоянных жилищ и поселений; их образ жизни – «постоянные передвижения в поисках пищи без определенного направления, регулярности переходов и возвращения на базовую стоянку» [Там же, 103]. Аналогично семанги Малакки меняли стоянку раз в 2-3 недели, в жаркое время – раз в неделю, ограничиваясь в плане жилища навесом или шалашом из пальмовых листьев, а южноиндийские палиян, кочевавшие 10 месяцев в году, обходились скальными навесами или дуплами и кронами деревьев [Там же, 107, 112, 114].

Кроме того, высокая степень подвижности охотников и собирателей имеет социальные, культурные и ментально-психологические причины. Довольно часто индивиды или мелкие группы уходят на другую территорию в целях избежать назревающего конфликта; в таких случаях «мобильность – инструмент гашения агрессии» [Артемова, 2009, 240]. Очень часто стоянка покидалась и забрасывалась, если на ней кто-то умер: такое обыкновение зафиксировано у андаманцев, кубу, семангов, веддов, хадза, ряда племен австралийских аборигенов [Артемова, 1987, 88; Кабо, 1986, 94, 107, 171]. (Понятно, что при этом нет ни постоянных кладбищ, ни культа могил предков, столь характерных для оседлых земледельцев). Бушмены кьхонг «никогда не устраивают стоянку на прежнем месте и не зажигают огонь на старом кострище – у них существует поверье, что это приносит неудачу», а у хадза «жить долго на одном месте считается опасным для здоровья» [Кабо, 1986, 143, 171]. У палиян отдельные люди и семьи регулярно переселяются, что считается не только нормальным, но и нормативным: один респондент «характеризовал себя как “правильного человека”, потому что переходил с места на место в течение всей жизни» [Артемова, 2009, 246]. Фуражерская ментальность и психология таковы, что охотники и собиратели стремятся двигаться даже тогда, когда их не вынуждают к этому оскудение ресурсов или социальные конфликты, потому что они испытывают психологическую потребность в перемене обстановки [Артемова, 1987, 38].

«Подвижность и собственность несовместимы»

Фуражеры постоянно пребывают в движении, перенося с собой все свое имущество, поэтому чем его меньше, тем им легче и лучше. Предпочтение отдается вещам мелким и портативным, причем не более чем в одном экземпляре каждая [Салинз, 1999, 47]. Так, у кьхонг «все имущество семьи – орудия, столовые приборы из устричных раковин, детские игрушки, музыкальные инструменты – умещается в двух мешках» [Уэйд, 2016, 170]. Неспециализированные охотники и собиратели не только обходятся минимумом орудий и утвари, но и не делают запасов ни вещей, ни продуктов, потребляя пищу сразу после ее добычи [Харари, 2016, 125]. Лабрадорские индейцы монтанье, яганы, пигмеи, бушмены и множество

других наблюдавшихся антропологами фуражерских этносов считали запасы «излишними» и не стремились к приобретению и развитию технологий хранения [Кабо, 1986, 131; Крживицкий, 1925, 27; Салинз, 1999, 44]. Соответственно обстоит дело и накоплением. Подвижный образ жизни делает его бессмысленным: «привлекательность имущества уменьшается, если приходится бросать его каждые несколько недель» [Моррис, 2017, 84]. (При таком положении с хранением и накоплением понятным образом фактически отсутствует институт наследования, ведь «собираателям, в отличие от земледельцев, почти нечего наследовать» [Там же, 90]). В обществах охотников и собирателей накопление не только является иррациональным, но и морально осуждается, и лишь по мере увеличения степени оседлости, возникающей при переходе к стационарному рыболовству и/или примитивному земледелию, начинают сниматься этические запреты и развиваются практики накопления и права собственности [Кабо, 1986, 168, 193; Ридли, 2013, 263]. Однако процесс этот долгий и растянутый, ибо унаследованная ментальность и система ценностей фуражеров довлеют над их перешедшими к оседлой жизни потомками. Как свидетельствует О.Ю. Артемова, австралийские аборигены вип-мункан, переселенные правительством в построенные для них поселки, двумя поколениями спустя вели себя так: «Никто ничего не копит: ни денег, ни вещей, все циркулирует по кругу между родственниками» [Артемова, 2009, 26]. Д. Эверетт, долго проживший среди южноамериканского племени пираха, занимающегося охотой, рыболовством и частично перешедшего к примитивному земледелию (т. е. ведущего сравнительно оседлый образ жизни), пишет, что «индейцы не сохраняют пищу, пренебрегают орудиями труда и изготавливают только временные емкости для хранения» [Эверетт, 2016, 93].

Что касается собственности на вещи и добычу, то чрезвычайно характерным для фуражеров является *demand sharing* – «требование доли» или «дележ по требованию». Добытая дичь или собранные плоды (корни, орехи и т. п.) в обязательном порядке делятся непосредственно на месте или на стоянке на равные или неравные части и распределяются между членами группы [Семенов, 1989, 100-101]. Очень часто самому охотнику, даже в одиночку добывшему животное, достается меньшая/худшая часть или вовсе не достается ничего; нередко добыча поступает в распоряжение сперва всего коллектива и только во вторую очередь делится между членами семьи охотника [Кабо, 1986, 96, 140, 181]. В то же время вернувшийся с пустыми руками или не ходивший на охоту член группы получает часть добычи, что не требует ни приглашения, ни выражения благодарности, тогда как едящего в одиночку подозревают в воровстве или колдовстве [Крживицкий, 1925, 96; Тэрнер, 1983, 88]. Иногда добыча делится в соответствии со сложными правилами, как у австралийских аборигенов, пигмеев, бушменов, огнеземельцев и эскимосов [Кабо, 1986, 84, 131-132, 164-166, 181, 218; Крживицкий, 1925, 85]; иногда определенных правил не существует, как у семангов или андамандских онге: «охотник приносит убитое животное на стоянку, и затем каждый берет себе столько мяса, сколько ему нужно» [Кабо, 1986, 98]. В любом случае «не делиться с другими добычей у собирателей считается страшным грехом... В большинстве таких сообществ детям с самых первых лет внушают, как полезно делиться с другими» [Моррис, 2017, 87].

Кроме обязательного дележа, у охотников и собирателей присутствует и такой феномен, как *tolerated scrounging/theft* – «допустимое попрошайничество/кража». Оружие, инвентарь, утварь и прочие предметы индивидуального пользования находятся в личной собственности, однако их принято предоставлять другим людям по их просьбе, поэтому фуражеры непрерывно «попрошайничают» и «клянчат» как друг у друга, так и у европейцев [Эванс-Причард, 1985, 163]. Если проситель в виде исключения столкнется с отказом, то может взять искомое

самостоятельно и это не будет считаться кражей и вообще чем-то предосудительным [Крживицкий, 1925, 96]. Представления фуражеров о своей и чужой собственности отличаются своеобразием: для них присвоение – это основа хозяйства и образ жизни, поэтому неудивительно, что, например, «охотники-бороро относились к посевам соседей-земледельцев, как и к другим дарам природы: при любой возможности они вырывали корни молодой маниоки, пекли их и ели» [Кабо, 1986, 265].

Добавляет специфики к пониманию собственности охотниками и собирателями чрезвычайно развитые у них практики дарообмена. Фуражеров характеризует система генерализованной реципрокности, в рамках которой индивиды обмениваются ценностями и услугами, не ожидая от партнеров немедленного эквивалентного возврата, да и вообще того, что последний будет получен ими, а не третьими лицами. Этот дарообмен имеет не столько экономическое, сколько социальное содержание («социальная экономика»), так как часто обмениваются одним и тем же. Например, у семангов женщины обмениваются собранной растительной пищей даже тогда, когда она одинаковая; бушмены обмениваются мясом и орехами, которые вместе добыли/собрали, причем одинаковыми кусками и объемами. Взаимные дары, давание и получение здесь нормативны, они выступают средством обеспечения солидарности через взаимозависимость [Артемова, 2009, 139-140; Кабо, 1986, 109].

Вообще понятие собственности применительно к фуражерам не является вполне адекватным, даже если говорить о *res communis* или о *res nullius* [Крживицкий, 1925, 14]. С одной стороны, невозможно «оперировать правами собственности на диких животных» [Ридли, 2013, 261], так как они постоянно перемещаются. С другой стороны, постоянно перемещаются и сами охотники/собиратели, двигаясь по территориям как собственных, так и соседних и отдаленных общин и племен, добывая на них пищу «не обязательно с разрешения собственников земли, а согласно обычаю» [Кабо, 1986, 80]. У фуражеров, как правило, нет выраженных территориальных границ, для них характерен фокусный способ контроля территорий, когда право владения связывается с определенными точками, имеющими отличительные природные признаки. Участки земли плавно переходят друг в друга, а люди и семьи перемещаются по ним, не спрашивая ни у кого разрешения на эксплуатацию имеющихся там ресурсов. Когда в Австралии и Африке предпринимались попытки юридически определить права коренных народов на землю, оказалось, что невозможно связать определенные группы с определенными участками, так как «каждое земельное “владение” эксплуатировал широкий круг людей, не поддававшихся фиксации и менявшихся во времени» [Артемова, 2009, 254]. По мнению О.Ю. Артемовой, следует признать, что «в таких социально-экономических системах, какие существовали у охотников и собирателей в традиционном контексте, нет места понятию “собственность на землю”» [Там же, 257].

Заключение

Обратная связь собственности и мобильности в равной мере характеризует как досовременное, так и постсовременное общества. Первое из них было определено М. Салинзом как «первое общество изобилия»; думается, что последнее можно назвать «вторым обществом изобилия». Фуражеры имели ограниченные материальные потребности, которые легко удовлетворялись за счет охоты и собирательства; потребности сегодняшних потребителей неограниченны, но столь же легко удовлетворяются за счет цифровизированного и роботизированного производства. Как в *original affluent society*, так и в *second affluent society*

человек занимается главным образом присвоением, только в одном – того, что произведено природой, а в другом – того, что произведено роботами. Это примечательное сходство имеет своим следствием то, что социальные практики и аксиологические установки общества, только становящегося сегодня, и общества, сегодня уже практически не существующего, начинают обнаруживать замечательную симметрию, одному из элементов которой посвящена данная статья.

Библиография

1. Алиева Д.Я. Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 110-121.
2. Артемова О.Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.
3. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине: по австралийским этнографическим данным. М.: Наука, 1987. 197 с.
4. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.
5. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Бужилова А.П. Палеопатологические аспекты адаптации человека верхнего палеолита // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. С. 397-410.
7. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43-53.
8. Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.
9. Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М.: Мысль, 1990. 407 с.
10. Делез Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. 895 с.
11. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
12. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 304 с.
13. Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. 564 с.
14. Крживицкий Л. Хозяйственный и общественный строй первобытных народов. М.; Л., 1925. 228 с.
15. Курилова А.С. Вещь как объект потребления в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 121-129.
16. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. 321 с.
17. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 353 с.
18. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
19. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М., 2017. 488 с.
20. Никишин Е.А. История и перспектива исследований социальной мобильности после мобильного поворота // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 2. С. 93-117.
21. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019-2021 годов. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf
22. Перковский Д. Налог на наследство в Испании: условия и тарифы для иностранцев. URL: <https://prian.ru/pub/37561.html>
23. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 190 с.
24. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. М.: Эксмо, 2013. 336 с.
25. Ридли М. Рациональный оптимист. М.: Эксмо, 2015. 560 с.
26. Рязанов В.Т. Креативный труд и собственность каждого на все: возможность и проблемы // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 138-143.
27. Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. 296 с.
28. Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 318 с.
29. Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя, 2018. 188 с.
30. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
31. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
32. Урри Д. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3-14.
33. Уэйд Н. На заре человечества: неизвестная история наших предков. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 408 с.
34. Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). М.: Наука, 1991. 184 с.
35. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 520 с.
36. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. URL: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k_shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf

37. Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 3-11.
38. Шубрт И. Мир постмодерна в социологии Мишеля Маффесоли // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 25-32.
39. Шульман Е.М. Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить. URL: <http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit>
40. Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. М.: Наука, 1985. 236 с.
41. Эверетт Д. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М., 2016. 384 с.
42. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. 359 с.
43. Auken I. Welcome to 2030: I own nothing, have no privacy and life has never been better. URL: <https://www.forbes.com/sites/worldeconomicforum/2016/11/10/shopping-i-cant-really-remember-what-that-is-or-how-differently-well-live-in-2030>

Things, ownership, mobility: before and after modernity

Andrei V. Shipilov

Doctor of Cultural Studies,
Docent,

Professor at the Department of philosophy, economics, social disciplines and the humanities,
Voronezh State Pedagogical University,
394043, 86 Lenina st., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: andshipilo@yandex.ru

Abstract

The article considers the phenomenon of the inverse correlation between the importance of ownership of personal property and the degree of mobility of the population in the premodern and postmodern society. One of the trends in the current moment is the evolution from individual ownership of things (private goods) to their shared use, which is explained not only by changes in their production and consumption caused by the development of automation and robotics, but also by an increase in the level of territorial and other mobility of the population. The metaphor of nomadism is used to comprehend this, meanwhile, real nomadic societies were really distinguished by mobility, but the societies of foragers – non-specialized hunters and gatherers – were the most mobile ones. Permanent mobility stimulated them to get by with a minimum of personal property, while the practice of demand sharing and normative gift exchange limited the possession of things, while collective ownership of land was completely absent. Thus, there is an analogy between preagrarian and postindustrial societies, which can be explained by the fact that in both of them the main content of economic activities is the appropriation of what is produced by nature in the first case and robots in the second one. This determines the remarkable isomorphism and equivalence of social practices and axiological systems of the foragers of the distant past and the consumers of the present and possible future.

For citation

Shipilov A.V. (2021) Veshchi, sobstvennost', mobil'nost': do i posle sovremennosti [Things, ownership, mobility: before and after modernity]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (6A), pp. 276-287. DOI: 10.34670/AR.2021.51.97.001

Keywords

Things, ownership, mobility, premodernity, postmodernity, hunters, gatherers.

References

1. Alieva D.Ya. (1995) Paradigmaticheskie sdvigi v sotsiologii povsednevnosti: kontseptsiya Mishelya Maffesoli [Paradigmatic shifts in the sociology of everyday life: Michel Maffesoli's concept]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 1, pp. 110-121.
2. Artemova O.Yu. (2009) *Koleno Isava: okhotniki, sobirатели, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [The tribe of Esau: hunters, gatherers, fishermen (the experience of studying alternative social systems)]. Moscow: Smysl Publ.
3. Artemova O.Yu. (1987) *Lichnost' i sotsial'nye normy v rannepervobytnoi obshchine: po avstraliiskim etnograficheskim dannym* [Personality and social norms in an early primitive community: Australian ethnographic data]. Moscow: Nauka Publ.
4. Auken I. *Welcome to 2030: I own nothing, have no privacy and life has never been better*. Available at: <https://www.forbes.com/sites/worldeconomicforum/2016/11/10/shopping-i-cant-really-remember-what-that-is-or-how-differently-well-live-in-2030> [Accessed 14/12/21].
5. Bard A., Soderqvist J. (2002) *Netocracy: the new power elite and life after capitalism*. Reuters. (Russ. ed.: Bard A., Soderqvist J. (2004) *Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma*. St. Petersburg.)
6. Bauman Z. (2000) *Liquid modernity*. Cambridge: Polity. (Russ. ed.: Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg: Piter Publ.)
7. Buzgalin A.V. (2017) Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse [The creative economy: private intellectual property or everyone's ownership of everything]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 7, pp. 43-53.
8. Buzhilova A.P. (2000) Paleopatologicheskie aspekty adaptatsii cheloveka verkhnego paleolita [Paleopathological aspects of the adaptation of Upper Paleolithic humans]. In: *Homo sungirensis. Verkhnepaleoliticheskii chelovek: ekologicheskie i evolyutsionnye aspekty issledovaniya* [Homo sungirensis. Upper Paleolithic humans: ecological and evolutionary aspects of research]. Moscow: Nauchnyi mir Publ., pp. 397-410.
9. Castells M. (2009) *Comunicación y poder*. Alianza Editorial. (Russ. ed.: Castells M. (2016) *Vlast' kommunikatsii*. Moscow.)
10. Deleuze G. (1980) *Mille plateaux*. Paris: Minuit. (Russ. ed.: Deleuze G. (2010) *Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg; Moscow.)
11. Descola P. (2005) *Par-delà nature et culture*. Gallimard. (Russ. ed.: Descola P. (2012) *Po tu storonu prirody i kul'tury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.)
12. *Eneolit SSSR* [The Eneolithic of the USSR] (1982). Moscow: Nauka Publ.
13. Evans-Pritchard E.E. (1940) *The Nuer: a description of the modes of livelihood and political institutions of a Nilotic people*. Oxford: Clarendon Press. (Russ. ed.: Evans-Pritchard E.E. (1985) *Nuery*. Moscow: Nauka Publ.)
14. Everett D. (2009) *Don't sleep, there are snakes: life and language in the Amazonian jungle*. Vintage. (Russ. ed.: Everett D. (2016) *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei*. Moscow.)
15. Fainberg L.A. (1991) *Okhotniki Amerikanskogo Severa (indeitsy i eskimosy)* [The hunters of the American North (the Indians and Eskimos)]. Moscow: Nauka Publ.
16. Galich M. (1979) *Nuestros primeros padres*. (Russ. ed.: Galich M. (1990) *Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsii*. Moscow: Mysl' Publ.)
17. Harari Yu.N. (2015) *Sapiens: a brief history of humankind*. Harper. (Russ. ed.: Harari Yu.N. (2016) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Moscow: Sindbad Publ.)
18. Kabo V.R. (1986) *Pervobytnaya dozemel'd'cheskaya obshchina* [Primitive preagricultural community]. Moscow: Nauka Publ.
19. Krzywicki L. (1925) *Khozyaistvennyi i obshchestvennyi stroi pervobytnykh narodov* [The economic and social system of primitive peoples]. Moscow; Leningrad.
20. Kurilova A.S. (2011) Veshch' kak ob'ekt potrebleniya v obshchestve potrebleniya [A thing as an object of consumption in a consumer society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 14 (5), pp. 121-129.
21. Markov G.E. (1976) *Kochevniki Azii. Struktura khozyaistva i obshchestvennoi organizatsii* [Nomads in Asia. The structure of the economy and public organization]. Moscow.
22. Mason P. (2015) *Postcapitalism: a guide to our future*. (Russ. ed.: Mason P. (2016) *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu*. Moscow: Ad Marginem Press Publ.)
23. *Mezolit SSSR* [The Mesolithic of the USSR] (1989). Moscow: Nauka Publ.
24. Morris J. (2015) *Forragers, farmers, and fossil fuels. How human values evolve*. Princeton. (Russ. ed.: Morris J. (2017) *Sobirатели, zemledel'tsy i iskopaemoe toplivo. Kak izmenyayutsya chelovecheskie tsennosti*. Moscow.)

25. Nikishin E.A. (2019) Istoriya i perspektiva issledovaniya sotsial'noi mobil'nosti posle mobil'nogo povorota [The history and perspective of research on social mobility after the mobile turn]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 22 (2), pp. 93-117.
26. *Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossiiskoi Federatsii na period 2019-2021 godov* [The main directions in the development of the financial market of the Russian Federation for 2019-2021]. Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf [Accessed 14/12/21].
27. Perkovskii D. *Nalog na nasledstvo v Ispanii: usloviya i tarifny dlya inostrantsev* [Inheritance tax in Spain: conditions and tariffs for foreigners]. Available at: <https://prian.ru/pub/37561.html> [Accessed 14/12/21].
28. Pletneva S.A. (1982) *Kochevniki Srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostei* [Nomads in the Middle Ages. Searching for historical patterns]. Moscow: Nauka Publ.
29. Ridley M. (1998) *The origins of virtue: human instincts and the evolution of cooperation*. Penguin Books. (Russ. ed.: Ridley M. (2013) *Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu*. Moscow: Eksmo Publ.)
30. Ridley M. (2011) *The rational optimist: how prosperity evolves*. Harper Perennial. (Russ. ed.: Ridley M. (2015) *Ratsional'nyi optimist*. Moscow: Eksmo Publ.)
31. Ryazanov V.T. (2018) Kreativnyi trud i sobstvennost' kazhdogo na vse: vozmozhnost' i problemy [Creative work and everyone's ownership of everything: opportunities and challenges]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 3, pp. 138-143.
32. Sahlins M. (1972) *Stone Age economics*. Chicago. (Russ. ed.: Sahlins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka*. Moscow.)
33. Schwab K. (2015) *The fourth industrial revolution*. Pearson. (Russ. ed.: Schwab K. (2016) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Moscow: Eksmo Publ. Available at: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf [Accessed 14/12/21].)
34. Semenov Yu.I. (1989) *Na zare chelovecheskoi istorii* [At the dawn of human history]. Moscow: Mysl' Publ.
35. Sheller M. (2014) The new mobilities paradigm for a live sociology. *Current sociology review*, 62 (6), pp. 789-811. (Russ. ed.: Sheller M. (2016) *Novaya paradigma mobil'nostei v sovremennoi sotsiologii*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 7, pp. 3-11.)
36. Shul'man E.M. *Sovremennaya molodezh' – samoe pravil'noe iz vsekh pokolenii, kakie tol'ko mozhno sebe predstavit'* [Modern youth is the most correct of all generations that one can imagine]. Available at: <http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit> [Accessed 14/12/21].
37. Sidorina T.Yu. (2018) *Zhizn' bez truda ili trud vo spasenie?* [Life without labor or labor for salvation?] St. Petersburg: Aleteiya Publ.
38. Subrt J. (2018) *Mir postmoderna v sotsiologii Mishelya Maffesoli* [The postmodern world in the sociology of Michel Maffesoli]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 10, pp. 25-32.
39. Turner V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbols and rituals]. Moscow: Nauka Publ.
40. Urry J. (2007) *Mobilities*. Polity Press. (Russ. ed.: Urry J. (2012) *Mobil'nosti*. Moscow: Praxis Publ.)
41. Urry J. (2002) Mobility and proximity. *Sociology*, 36 (2), pp. 255-274. (Russ. ed.: Urry J. (2013) *Mobil'nost' i blizost'*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2, pp. 3-14.)
42. Vishnyatskii L.B. (2010) *Neandertal'tsy: istoriya nesostoyavshegosya chelovechestva* [The Neanderthals: the history of failed humanity]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.
43. Wade N. (2006) *Before the dawn: recovering the lost history of our ancestors*. (Russ. ed.: Wade N. (2016) *Na zare chelovechestva: neizvestnaya istoriya nashikh predkov*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.)